
УДК 94(470.6) «17/1917»

ББК 63.3(235.7)5

Ч 54

А.К. Чеучева,

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8-918-227-09-93; e-mail: anjela.cheu4eva@yandex.ru

Магомет-Амин и адыгское общество середины XIX в.

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с преобразовательной деятельностью наиба Магомет-Амина в Черкесии в конце 40-х — 50-х гг. XIX в. — на завершающем этапе Кавказской войны. Исследуется степень влияния наиба на военно-административную и религиозную сферы жизни адыгского общества и восприятие событий в адыгской среде. Анализируются его политические шаги в качестве координатора действий адыгов, турок, их европейских союзников.

Ключевые слова: абадзехи, адыги, мюридизм, наиб, Магомет-Амин, Порта, Северо-Западный Кавказ, Турция, Черкесия.

A.K. Cheucheva,

Doctor of Historical Sciences, Professor of General History Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: 8-918-227-09-93; e-mail: anjela.cheu4eva@yandex.ru

Magomet-Amin and the Adyghean society in the middle of the 19th century

Abstract. The paper deals with the questions related to the reforming activity of Naib Magomet-Amin in Circassia in the late 1840-1850s — at the final stage of the Caucasian War. The author examines the extent of influence of Naib on military, administrative and religious spheres of life of the Adyghean society and perception of events in the Adyghean environment. His political activity as the coordinator of actions of the Adyghees, Turks and their European allies is analyzed.

Keywords: Abadzekhs, Adyghees, myuridizm, Naib, Magomet-Amin, Port, the North-Western Caucasus, Turkey, Circassia.

Магомет-Амин, политический и военный деятель Кавказской войны, играл большую роль в общественно-политической жизни адыгов Северо-Западного Кавказа в период с 1849 по 1860 гг. В памяти потомков он занимает место прежде всего как человек, стремившийся защитить и объединить адыгские племена в сложный период истории, связанный с борьбой за независимость.

Тема исследования не новая, она была предметом изучения в отечественной историографии [1]. К ней обращаются и молодые исследователи [2]. Однако вопрос далеко не исчерпан. В научный оборот вводятся новые ис-

точники, в том числе архивные материалы (данные Архива внешней политики Российской империи), ранее не исследованный исторический фольклор адыгов [3], что позволяет говорить об обновлении проблематики темы, о новых подходах к ней. Одним из актуальных подходов является рассмотрение “человека как целостного субъекта исторического действия,” [4], которое невозможно без исследования закономерностей общественного развития.

Местом активной деятельности Магомет-Амина стал Северо-Западный Кавказ, за которым закрепилось историческое название “Черкесия”. В очерченных границах проживало множе-

ство групп (племен) западных адыгов (предков современных адыгейцев) и кбардинцев.

Западные адыги разделялись на две группы: “аристократические” и “демократические”. У первой группы феодалы полностью сохраняли свои привилегии, а у второй части племен сословные привилегии в значительной степени были подорваны в результате “демократического переворота” конца XVIII в. и власть постепенно сосредотачивалась в руках старшинской верхушки. Наиболее крупными “аристократическими” племенами были бжедуги, хатукаецы, темиргоевцы, бесленевцы. К “демократическим” — относят абадзехов, натухайцев, шапсугов [5]. Эти группы имели статус свободных, вольных обществ.

Социальная структура адыгского общества была типична для феодального уровня развития. Управление осуществлялось при помощи народных собраний. Группы, которые задавали тон, формировали определенный идеал поведения, оказывали влияние на принятие решений были преимущественно представителями княжеско-дворянской или старшинской верхушки.

Основным занятием населения Черкесии было земледелие и скотоводство. Из-за господства натурального хозяйства, а также слабой дифференциации ремесел внутренняя торговля в Черкесии была развита слабо, отсутствовала собственная денежная система.

В противоположность внутренней торговле внешняя торговля развивалась успешно. Побережье Черного моря связывало Северо-Западный Кавказ с Османской империей. Прибрежное население активно занималось каботажным плаванием [6]. Адыгская культура продолжала развиваться в русле традиционных ценностей. Консерватизм и традиционализм были характерной чертой сознания адыгов.

В первой четверти XIX в. у адыгов сохранялось причудливое сочетание христианского и языческого мировоззрения. Окончательное утверждение ислама произошло у адыгов только в середине XIX в. Хотя жители побере-

жья от Геленджика до Хизе [7] продолжали оставаться язычниками. Отзвуком этого синкретизма являлась клятва, распространенная в тот период: “Къэхь Теурат, къэхь Инджыл, къэхь Къуршэн” — “Клянусь Торой, Евангелием и Кораном” [8]. Адыги не всегда исполняли последовательно и глубоко предписания мусульманской религии. При этом, по замечанию Хан-Гирея, каждый из них готов был отдать жизнь за малейшее оскорбление его вероисповедания. Те из них, кто поддерживал религиозные обряды, превосходил турок в религиозном фанатизме и прилежании в исполнении вероисповедания [9]. В 1835 г. в Черкесии появился первый эфенди-просветитель Устук. Им было открыто около ста медресе, в которых люди, обученные им самим, обучали других читать Коран и адат (судебные уложения). Только после такого обучения население стало лучше понимать ислам [10]. Таким образом, в религиозных представлениях адыгов одновременно сосуществовало три линии: собственно адыгская (языческая, корневая), христианская и мусульманская.

В изучаемый период общение с внешним миром, в связи с установлением полной блокады черноморского побережья Россией, было осложнено. Надежд на помощь иностранных держав не было. Это привело к тому, что адыги стали видеть путь выхода из сложного положения во внутренней консолидации. Этому в немалой степени способствовал пример Шамиля.

В 1842 г. за Кубань прибыл наиб (представитель власти, управляющий областью) Шамиля Хаджи-Магомет, который стал проводником мюридизма. Наиба поддержало немало последователей. Его появление способствовало усилению позиций мусульманского духовенства, которое до этого было малочисленным и не имело среди адыгов влияния. Население было обложено налогами. В своей деятельности наиб Шамиля настаивал на введении духовного суда по шариату, провозгласил равенство всех мусульман. Но шариат во многом противоречил адатам, а про-

возглашенный принцип равенства состоятельными условиями трактовался как покушение на их благосостояние. Миссия Хаджи-Магомета потерпела полную неудачу. В 1843 г. он умер.

В этом же году Шамиль послал нового наиба в Черкесию — Сулейман-эфенди. Он, глубоко изучивший Коран, не обладал организаторскими способностями и “силою воли для руководства толпами свободолюбивого народа” [11]. Своей бестактностью он восстановил против себя многих значимых лиц в Черкесии. Не получив доверия среди адыгского населения, в 1846 г. он исчез.

Отсутствие исполнительной власти у адыгов приводило к тому, что решения народного собрания оставались невыполненными. Необходимость создания более оптимального общественного устройства способствовала изменениям в общественном строе. В 1847 г. были предприняты меры к общественному переустройству. С этого периода постановления народного собрания должны были быть обязательными для всех. Для реализации постановлений были созданы постоянные ополчения, находившиеся на содержании народа. Все население было разделено на общины во главе с избранными старшинами, которые обязаны были следить за выполнением решений народного собрания. В помощь старшинам назначались воины. В руках старшин находилась судебная власть [12].

Но прибрежное население оказало сопротивление реформам из боязни лишиться выгод от торговли с Россией [13].

Тогда абадзехи обратились к Шамилю с просьбой прислать нового наиба. Из окружения имама только Магомет-Амин выразил желание отправиться к абадзехам. По отзыву самого Шамиля, Магомет-Амин был очень храбрым, набожным и преданным ему человеком.

В конце 1848 г. Магомет-Амин прибыл в Черкесию. События этого периода сохранились в исторической памяти адыгов. По преданию, гостя наибом называли сами абадзехи. Основной целью прибывшего было приобщение адыгов-

абадзехов к мусульманской религии, что нашло положительную оценку в адыгской среде. По мнению адыгов, у него отсутствовали какие-либо “преступные” намерения [14].

В январе 1849 г. состоялось собрание, на котором выступил наиб. Он обратился к населению с призывом строго соблюдать нормы ислама. Для этого необходимо было следовать требованиям шариата и активно участвовать в джихаде.

Целью Магомет-Амина было установление у адыгов государственного устройства, создание регулярной армии, артиллерии, сбор налогов, из которых должны были выплачивать служащим жалование, оплачивать лечение раненым и содержать семьи погибших.

Не подчинившиеся требованиям подвергались штрафам, конфискации имущества, заключались в тюрьму. По подобным вынесенным решениям было наказано немало людей, в частности, расстреляно, утоплено в воде, приговорено к порке.

Действия наиба встретили открытый протест у части населения. Группой заговорщиков было решено физически расправиться с наибом. Но покушение было предотвращено. По общественному мнению, те, кто враждебно относился к наibu, принимал в штыки все его начинания и преобразования, “в своем большинстве составляли воров, преступников и разных бездельников. Этим людям очень не нравилось, как наиб решительно привлекал к ответственности, к шариатскому суду подобных им людей, и этот суд воздавал им должное. И каждый такой боялся, как бы не попасть за свои противоправные поступки под шариатский суд, учрежденный наибом” [15].

Большинством населения деятельность Магомет-Амина оценивалась позитивно. Наиб продолжил преобразования. Совершив продолжительную поездку по Черкесии, он определил границы Абадзехии. Начиная от реки Псишур до горы Дагуар он пересчитал численность абадзехских семей. Их было 12 тысяч. На каждую тысячу семей велел образовать округ. Они были

расположены на следующих местах: вдоль рек Псишур, Фарс, Шхагуаше (Белая), Курджипс, Пчихе, Тхохо, Фабгу, Щежы, Пшиш, Псекупс, Хиджи. В каждом округе была построена тюрьма. Каждый округ имел одного кади (судья), десять эфенди (служитель религии), десять мортазыкав (служилых людей) [16].

Весной 1849 г. наиб приступил к покорению других племен. В результате его действий присягу Магомет-Амину дали махошевцы, егерухаевцы, темиргоевцы. Сопротивление его политике оказали бжедуги и шапсуги, но при помощи сочетания дипломатических и военных мер в 1850 г. Магомет-Амин заставил их принять присягу [17].

По-видимому, желанию укрепить свои позиции среди адыгской аристократии способствовала женитьба наиба в 1854 г. на дочери князя Шеретлука Болотокова. Но вскоре она умерла. В 1857 г. наиб женился второй раз на дочери Джамболета Болотокова. И та тоже умерла. В народе говорили, что наиб ненавидит князей, но любит княжон [18]. Магомет-Амина также обвиняли и в корыстолюбии. Из штрафов он составил себе значительное состояние [19].

В результате деятельности наиба произошло объединение Черкесии. Наибольшим влиянием он пользовался среди абадзехов. Однако, несмотря на предпринятые меры, положение наиба оставалось непрочным.

Наиб решил в своих целях использовать силы польского эмиграционного движения «Отель Ламбер». В послании к руководству движения содержалась просьба прислать польских офицеров и различных специалистов для формирования войск и разработки природных ископаемых [20].

Порта внимательно следила за ходом политических событий на Северо-Западном Кавказе. Политика Порты в отношении Магомет-Амина была непоследовательной. С одной стороны Магомет-Амин играл одну из ведущих ролей в Черкесии, пользовался исламом как методом объединения населения, в публичных речах прибегал к

авторитету султана. С другой стороны, Порта не желала считаться с тем, что распространение ислама на Северо-Западном Кавказе было делом Магомет-Амина, а не Порты. Турки столкнулись с проблемой, очень беспокоившей их. Выступать открыто против Шамиля и его наиба, Порта считала нерациональным. Это могло вызвать гнев Шамиля, который мог выступить против турок с оружием в руках. К тому же приходилось считаться и с наличием в Турции религиозной радикальной партии, которая пользовалась большим влиянием в Стамбуле. В их глазах имам Шамиль и его наиб Магомет-Амин были святыми, которые боролись за дело Аллаха и распространение его слова. Поэтому Порта решила ослабить позиции наиба противопоставив ему другого адыгского лидера. Выбор пал на Сефер-бей Зана — адыгского князя. Он был назначен «вали» — генерал-губернатором Черкесии. В помощь ему было назначено четыре губернатора от четырех адыгских племен. Турецкий купец Хаджи Исмаил, занимавшийся торговой деятельностью среди шапсугов, назначался губернатором Шапсугии. Наиб Магомет-Амин был назначен губернатором Абадзехии. Бехзад-паша — губернатором Убыхии. Александр, абазский князь, был назначен губернатором абазов. Все они получали звания паши.

Однако Порта не учитывала существовавшего политического положения на Северо-Западном Кавказе. Назначение Сефер-бея губернатором адыги восприняли как враждебный акт. Назначению Хаджи Исмаила не придали значения. Назначение Бехзада-паши вызвало возмущение. Двадцатипятилетний бедный юноша, которого когда-то продали в рабство, по мнению адыгов, не мог быть губернатором и ими управлять. Его вынудили вернуться в Константинополь. Князь Александр, наоборот, благодаря своему положению не нуждался в титуле паши и не хотел избавиться от господства России и перейти под контроль Турции. Магомет-Амин был недоволен тем, что Порта посредством интриг узурпировала две

трети Черкесии без переговоров с ним [21].

В годы Крымской войны (1853-1856 гг.) европейские державы и Турция стремились поднять на Северо-Западном Кавказе общее движение горцев против России. Этому движению населения Кавказа отводилась существенная роль. Турецкий флот должен был высадиться на Кавказском побережье Черного моря, соединиться с Магомет-Амином [22]. С целью ограничить русское влияние, он уничтожил несколько аулов в окрестностях одного из самых сильных укреплений на побережье — Новороссийска. Бессилие русских властей наводило адыгов на мысль, что “русские не в силах задержать Амина” [23]. Было казнено несколько десятков шапсугских и натухайских крестьян прорусской ориентации. Часть жителей аулов, прилегавших к Кубани, не желали подчиниться Магомет-Амину и поддержать Турцию в предстоящей войне. Они перешли на “русскую сторону” Кубани. Проанализировав настроение населения Черкесии в преддверии Крымской войны, можно сделать вывод о том, что оно не было единым. По приказу султана наиб объявил, что право жить на Кавказе после войны получают те, кто восстанет до появления турецких сил, остальные будут лишены своих прав. К ним будут относиться как к завоеванным [24].

Несмотря на прибытие турецких войск, адыги не спешили с присоединением [25]. Анализируя ситуацию на Кавказе и позицию горцев, Ф. Энгельс в статье “Непостижимая война” писал: “Перспектива присоединения к Турции очень мало их воодушевляет” [26]. Население пришло к логичному выводу, что союзники намерены вести войну с Россией за счет адыгов.

На все просьбы Магомет-Амина собрать ополчение племени адыгов — абадзехи, шапсуги, натухайцы — заявили, что от всех военных действий они видят только разорение, а “покровительства Турции им не нужно, ... поэтому они считают лучше выжидать и посмотреть, чем окончится начатая война” [27]. Узнав, что целью ополче-

ния является проведение совместных действий с турецкими войсками в Закавказье, они ответили, что никогда не брали на себя обязательства защищать в Закавказье интересы султана и отказались штурмовать Тифлис [28].

Неуверенность в заявлениях турок о лояльности горцев Турции заставила союзное командование вести переговоры с местным населением, минуя турок. Но всякое требование о посылке в отдаленные края ополчения расценивалось горцами как введение воинской повинности, а обещание льгот — как притязания на налоги [29].

Планы союзников не учитывали экономического положения и настроений населения, которое в течение войны несло большое бремя налогов. В ходе нескончаемых военных действий, которые растянулись на Кавказе на десятилетия, крестьянские хозяйства, являвшиеся основной частью адыгского общества, уже не справлялись с большим бременем военных расходов. Новые военные действия только увеличили давление на небольшие натуральные хозяйства. Так, в мае 1854 г. по распоряжению Магомет-Амина убыхи, абадзехи и шапсуги собрали две тысячи пар волов и тысячу лошадей для перевозки артиллерии и военного снаряжения союзников. Для содержания союзных десантных войск каждый двор выделял по одному быку и мерке хлеба. Все это было сосредоточено в ставке наиба и находилось под охраной [30]. Летом 1854 г. к адыгскому племени абадзехов прибыли английские офицеры, спрашивая, смогут ли они прокормить тридцатитысячную армию союзников. Абадзехи ответили отказом.

Во время Крымской войны и турки и европейцы часто констатировали шаткость позиций Магомет-Амина [31]. Представитель маршала Сент-Арно в переговорах с Магомет-Амином писал: “Я не знал тогда, кем был в точности наиб...судя по явной почтительности, которая его окружала, я полагал его подлинным вождем этих отцов племен, которые его сопровождали, позже я узнал, что он был ничем. Наиб был для них объектом уважения, но находился

среди них только для того, чтобы просить их о помощи; он просил, а не командовал” [32].

Когда русские войска оставили черноморские крепости, возобновилось сообщение между Черкесией и Турцией. Из Стамбула доставлялись письма султана с требованием бойкотировать власть наиба Магомет-Амина. Считая себя освободителем адыгов, султан предупреждал население, что в случае отказа повиноваться, он позволит русским снова захватить территорию Черкесии. Эта пропаганда имела сильное воздействие на шапсугов и убыхов, которые постоянно препятствовали деятельности наиба по распространению ислама. Власть наиба рухнула и наступила анархия. Были уничтожены административные учреждения и суды, организованные наибом. Уничтожались мечети, восстанавливались кресты. Население полагало, что с уходом русских военных подразделений нет необходимости в деятельности наиба. Магомет-Амина продолжали поддерживать только абадзехи, которые отказались признать власть султана [33].

В Константинополе не осознавали всю сложность внутривосточной ситуации на Северном Кавказе. Вместо того, чтобы сконцентрировать все силы в руках одного из лидеров Черкесии, Порта поддерживала обоих. К концу Крымской войны Черкесия находилась в состоянии непрекращающейся вражды между двумя политическими деятелями.

Магомет-Амин продолжал борьбу до ноября 1859 г., до тех пор, пока не получил известия о том, что Шамиль сдался русским войскам. Затем наиб принес присягу русскому царю и привел к присяге всех абадзехов. В 1859 г. России покорились бжедуги, темиргоевцы, махошевцы, егерухаевцы, бесленевцы, закубанские кабардинцы и шахгиреевцы [34]. В декабре 1859 г. умер Сефер-бей Зан, после его смерти России подчинились в 1860 г. натухайцы [35]. Крайне трудно судить о том, какие чувства и настроения определяли мироощущение Магомет-Амина в этот период. Но он оставался до кон-

ца верным наибом Шамиля и нес ответственность перед принявшими его абадзехами. Из рапорта командующего войсками на Кавказской линии Г.И. Филипсона следует, что во время движения его отряда 21 января 1860 г. к Каменному мосту и обратно до Майкопа абадзехи оставались в полной уверенности, что добровольно принятая ими покорность освобождает их от враждебных действий со стороны России. Аулы, через которые проходил отряд, не были покинуты жителями. Женщины толпами смотрели издали на проход войск, а мужчины и дети наводняли лагерь с утра до вечера. При движении к Каменному мосту в отряде было больше абадзехов, чем солдат. Магомет-Амин и старшины делали все возможное, чтобы не произошло какого-либо беспорядка, который дал бы повод к обвинению всего народа в недобросовестности. Старшины, имея сильное влияние на народ, желали сохранить принятые абадзехами обязательства. Далее автор рапорта делает вывод, что покорность принесена абадзехами искренняя и “при терпении и справедливой снисходительности может обратиться в то, что мы называем безусловной покорностью”. Магомет-Амин характеризовался как человек умный, с большим тактом и характером. “При настоящих обстоятельствах он действовал энергично и ни днем, ни ночью не имел покоя” [36]. Положение самого наиба в этот период оставалось неопределенным.

В исторической памяти абадзехов сохранился подробный рассказ о последних политических действиях Магомет-Амина. Наиб представлен в образе героя, использующего все возможные способы, чтобы примирить абадзехов с Россией в период 1859-1860 гг. По его инициативе абадзехская делегация посетила в 1860 г. Петербург с целью проведения переговоров с царем. Он долго уговаривал членов делегации пойти на уступки России. По преданию, убедившись в бесперспективности переговоров этот суровый воин расплакался. Ему приписывают следующие слова: “Я плачу оттого, что не в силах

вынести предстоящие им (абадзехам — прим. автора) страдания и лишения” [37]. Впоследствии наиб под предлогом совершения паломничества в Мекку выехал в Турцию, где проживал до смерти на пенсию российского правительства [38].

Таким образом, деятельность Магомет-Амина проходила в русле традиционной системы общественного управления, которая была принята у адыгов. Система управления основывалась на признании свободы принятия решений отдельными группами адыгских племен. Его власть признавалась настолько, насколько она считалась с основными целями и задачами большинства адыгского общества в сложный период истории. Большинство населения признавало и поддерживало деятельность наиба. Но часть населения в ответ на вводимые новые правила общественной жизни, разрушающие

традиционную культуру, открыто протестовала. Протесты являлись сдерживающим фактором в динамике преобразований и жестко пресекались.

Основная деятельность наиба в Черкесии пришлась на 50-е гг. XIX в. — завершающий этап Кавказской войны. Его политические шаги в этот период были связаны также с подготовкой, ходом и итогами Крымской войны. Он выступал в качестве координатора действий адыгов, турок, их европейских союзников. Во многих случаях действия этих сил были разнонаправленные.

С его отъездом в народном сознании связывается наступление анархии среди абадзехов [39]. Но вряд ли причина кроется только в отъезде Магомет-Амина. Столетняя Кавказская война способствовала деструктивным процессам, являясь главным дестабилизирующим фактором в истории адыгов.

Примечания:

1. Казембек М.К. Мохаммед Амин // Мухаммад — Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40-60 гг. XIX века. (Сборник документов и материалов) / сост. А.М. Магомеддаев. Махачкала: Юпитер, 1998. С. 64-77; Карлгоф Н. Магомет Амин // Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис: Канцелярия Кавказского Наместника, 1860. С. 77-102; Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 243 с.; Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века. Краснодар: Кн. изд-во, 1989. 319 с.; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII — 60-е гг. XIX). Майкоп: Качество, 2012. 204 с.; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). Майкоп: Адыгея, 2006. 126 с.
2. Хаджибиекова Ф.М. Деятельность Мухамед-Амина и Сефербей-Зана как военно-политических лидеров кубанских горцев в период Кавказской войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар: Просвещение-Юг, 2011. 27 с.
3. Брэнт1э Хьаджэ Зэчэрый. Абдзэхэ кьэбар // Архив АРИГИ. Ф. 1. Папка 79. Д. 1-29.
4. Чеканцева З.Я. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1996. С. 3.
5. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М.: Наука, 1967. С. 123.
6. См. подробнее: Чеучева А.К. Торговая политика Османской империи на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Восток. 2007. №2. С. 111.
7. Хизе — общее название рек Осакай, Казий, или Казиап, Берендуапъ, Десхатъ, Бу или Буапъ. (См.: Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Перемышляны: Перемышлянская районная типография, 1990. С. 8).
8. Земля адыгов / под. ред. А.Х. Шеуджен. Майкоп: Качество, 1996. С. 410.
9. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 52.
10. Брэнт1э Хьаджэ Зэчэрый. Абдзэхэ кьэбар // Архив АРИГИ. Ф. 1. Папка 79. С. 16.
11. Фелицын Е.Д. Князь Сефер-бей Зан // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1904. Т. 10. С. 52.
12. Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 235.
13. Фелицын Е.Д. Указ. соч. С. 54.
14. Брэнт1э Хьаджэ Зэчэрый. Абдзэхэ кьэбар // Архив АРИГИ. Ф. 1. Папка 79. Хьугъэ-ш1эгъэ кьэбархэмрэ илгъэсэу кызыхьугъэхэмрэ.

15. Там же.
16. Там же.
17. См. подробнее: Покровский М.В. Указ. соч. С. 215; ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1041. Л. 358. Там же. Д. 1112. Л. 161.
18. Брэнт1э Хьаджэ Зэчэры. Абдзэхэ кьэбар // Архив АРИГИ. Ф. 1. Папка 79. Д. 1-29. Хьугьэ-ш1эгьэ кьэбархэмрэ ильгэсэу кьызыхьугьэхэмрэ
19. Рапорт командующего войсками на Кавказской линии главнокомандующему Кавказской армией о строительстве дорог и просек от Хамкеты до Майкопа и далее по реке Белой. 21 января 1860 г. // Проблемы Кавказской войны и выселения черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.): сб. архивных документов / сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 92.
20. АВПРИ. СПб. Гл. Архив. V-A2. Он. 181/2. Д. 649. Л. 4; Widerszal L. Sprawy Kaukazkie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864. Warszawa: Nakł. Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1934. P. 112-115.
21. См. подробнее: Хавжоко Ш.М. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик: Эль-фа, 1994. С. 190-199.
22. Бестужев И.В. Крымская война. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 52-53.
23. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1353. Л. 3.
24. ГАКК. Ф. 261. Д. 1432. Л. 80.
25. Осман-бей. Воспоминания, 1855 г.: События в Грузии и на Кавказе: пер. с фр. // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 144, 203.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 10. С. 525.
27. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 898. Л. 391.
28. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 434.
29. ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 898. Л. 526.
30. Покровский М.В. Указ. соч. С. 534.
31. Russian war, 1855. Black sea. Official correspondence. London: Printed For the navy Records society. MDCCCXLIV, 1945. Vol. 85. P. 390.
32. Цит. по: История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 187.
33. Хавжоко Ш.М. Указ. соч. С. 199.
34. Чирг А.Ю. Указ. соч. С. 162.
35. Там же. С. 165.
36. Рапорт командующего войсками на Кавказской линии главнокомандующему Кавказской армией ... С. 89-92.
37. Брэнт1э Хьаджэ Зэчэры. Абдзэхэ кьэбар // Архив АРИГИ. Ф. 1. Папка 79. Хьугьэ-ш1эгьэ кьэбархэмрэ ильгэсэу кьызыхьугьэхэмрэ.
38. Хавжоко Ш.М. Указ. соч. С. 165.
39. Брэнт1э Хьаджэ Зэчэры. Абдзэхэ кьэбар // Архив АРИГИ. Ф. 1. Папка 79. Хьугьэ-ш1эгьэ кьэбархэмрэ ильгэсэу кьызыхьугьэхэмрэ.

References:

1. Kazembek M.K. Mohammed Amin // Muhammad-Amin and national liberation movement of folks of the North Western Caucasus in 40-60es of the XIX century. (Collection of documents and materials) / comp. by A.M. Magomedadayev. Makhachkala: Jupiter, 1998. P. 64-77; Karlhoff N. Magomet Amin // The Caucasian calendar for 1861. Tiflis: The chancellery of the Caucasian Deputy, 1860. P. 77-102; Smirnov N.A. Muridism in the Caucasus. M.: The USSR AS Publishing house, 1963. 243 pp.; Pokrovsky M.V. From the history of the Adyghees at the end of the XVIII — the first half of the XIX century. Krasnodar: Bookish Publishing house, 1989. 319 pp.; Chirg A.Yu. The development of the social and political system of the Adyghees of the North Western Caucasus (the end of the XVIII — the 60es of the XIX century). Maikop: Kachestvo, 2012. 204 pp.; Panesh A.D. Muridism and the fight of the Adyghees of the North Western Caucasus for independence (1829-1864). Maikop: Adygheya, 2006. 126 pp.
2. Khadzhibiyekova F.M. Muhammed-Amin and Seferbey-Zan's activity as military and political leaders of the Kuban mountain dwellers during the Caucasian war: Diss. abstract for the Candidate of the History degree. Krasnodar: Prosveshchenie, 2011. 27 pp.
3. Брэнт1э Хьаджэ Зэчэры. Абдзэхэ кьэбар // The ARIGI Archives. F. 1. Folder 79. D. 1-29.
4. Chekantseva Z.Ya. Order and disorder. The protesting crowd in France between Opposition and Revolution. Novosibirsk: The NGPU publishing house, 1996. P. 3.
5. Gardanov V.K. The social system of the Adyghe people. M.: Nauka, 1967. P. 123.

-
6. See in detail: Cheucheva A.K. Trade policy of the Ottoman Empire in the North Western Caucasus at the end of the XVIII — the first half of the XIX centuries // *Vostok*. 2007. No. 2. P. 111.
 7. Khize as the general name of small rivers Osakay, Kaziy, or Kaziap, Berenduap, Deskhat, Bu or Buap. (See: Lulye L.Ya. Circassia. Historical and ethnographic articles. Peremyslyany: Peremyslyan regional printing house, 1990. P. 8).
 8. The Adyghes' land / ed. by A.Kh. Sheudzhen. Maikop: Kachestvo, 1996. P. 410.
 9. Khan Girey. Notes on Circassia. Nalchik: Elbrus, 1978. P. 52.
 10. Брѣнтлѣ Хьаджѣ Зѣчѣрый. Абдзѣхѣ кьѣбар // The ARIGI Archives. F. 1. Folder 79. P. 16.
 11. Felitsyn E.D. Prince Sefer-bey Zan // The Kuban collection. Ekaterinodar, 1904. V. 10. P. 52.
 12. Smirnov N.A. The mentioned work. P. 235.
 13. Felitsyn E.D. The mentioned work. P. 54.
 14. Брѣнтлѣ Хьаджѣ Зѣчѣрый. Абдзѣхѣ кьѣбар // The ARIGI Archives. F. 1. Folder 79. Хьугьѣ-шлѣгьѣ кьѣбархѣмрѣ илѣсѣу кьѣзыхьугьѣхѣмрѣ.
 15. Ibidem.
 16. Ibidem.
 17. See in detail: Pokrovsky M.V. The mentioned work. P. 215; GAKK. F. 261. Op. 1. D. 1041. L. 358. Ibidem. D. 1112. L. 161.
 18. Брѣнтлѣ Хьаджѣ Зѣчѣрый. Абдзѣхѣ кьѣбар // The ARIGI Archives. F. 1. Folder 79. D. 1-29. Хьугьѣ-шлѣгьѣ кьѣбархѣмрѣ илѣсѣу кьѣзыхьугьѣхѣмрѣ.
 19. The official report of the military commander on the Caucasian line to the commander-in-chief of the Caucasian army about the construction of roads and glades from Khamketa to Maikop and further down the river Belaya. January 21, 1860 // Problems of the Caucasian war and eviction of the Circassians to the borders of the Ottoman Empire (the 20-70es of the XIX century): coll. of archival documents / comp. by T.Kh. Kumykov. Nalchik: Elbrus, 2001. P. 92.
 20. AVPRI. SPb. The Main Archives. V-A2. On. 181/2. D. 649. L. 4; Widerszal L. Sprawy Kaukazkie w polityce Europeyckiy w latach 1831-1864. Warszawa: Nakł. Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1934. P. 112-115 .
 21. See in detail: Havzhoko Sh.M. Heroes and emperors in the Circassian history. Nalchik: El-fa, 1994. P. 190-199.
 22. Bestuzhev I.V. The Crimean war. M.: The USSR AS Publishing house, 1956. P. 52-53.
 23. GAKK. F. 261. Op. 1. D. 1353. L. 3.
 24. GAKK. F. 261. D. 1432. L. 80.
 25. Osman-bey. Memoirs, 1855: The events in Georgia and in the Caucasus: transl. from French // The Caucasian collection. Tiflis, 1877. V. 2. P. 144, 203.
 26. Marx K., Engels F. Works. V. 10. P. 525.
 27. GAKK. F. 254. Op. 1. D. 898. L. 391.
 28. GAKK. F. 254. Op. 1. D. 434.
 29. GAKK. F. 254. Op. 1. D. 898. L. 526.
 30. Pokrovsky M.V. The mentioned work. P. 534.
 31. Russian war, 1855. Black sea. Official correspondence. London: Printed For the navy Records society. MDCCCXLIV, 1945. Vol. 85. P. 390.
 32. Quoted on: History of the people of the North Caucasus (the end of the XVIII century — 1917). M.: Nauka, 1988. P. 187.
 33. Khavzhoko Sh.M. The mentioned work. P. 199.
 34. Chirg A.Yu. The mentioned work. P. 162.
 35. Ibidem. P. 165.
 36. The official report of the military commander on the Caucasian line to the commander-in-chief of the Caucasian army ... P. 89-92.
 37. Брѣнтлѣ Хьаджѣ Зѣчѣрый. Абдзѣхѣ кьѣбар // The ARIGI Archives. F. 1. Folder 79. Хьугьѣ-шлѣгьѣ кьѣбархѣмрѣ илѣсѣу кьѣзыхьугьѣхѣмрѣ.
 38. Khavzhoko Sh.M. The mentioned work. P. 165.
 39. Брѣнтлѣ Хьаджѣ Зѣчѣрый. Абдзѣхѣ кьѣбар // The ARIGI Archives. F. 1. Folder 79. Хьугьѣ-шлѣгьѣ кьѣбархѣмрѣ илѣсѣу кьѣзыхьугьѣхѣмрѣ.